

BOUCHERON PARIS

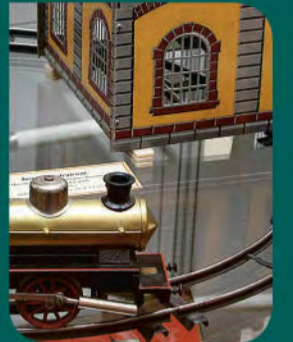

СОВЕРШЕНСТВО ФАУНЫ

ПЕРВЫЙ ЮВЕЛИР ВАНДОМСКОЙ ПЛОЩАДИ*

Санкт-Петербург : Михайловская ул. 4
+ (812) 611 0512 | www.boucheron.com

* Фредерик Бушерон – первый великий ювелир нашего времени, открывший бутик на Вандомской площади в 1893 году

8

ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО
ВО ЧТО ИГРАТЬ
С ЭЛИТНЫМ
РЕБЕНКОМ

16

НИКОЛАЙ
ЦИСКАРИДZE
СЧАСТЛИВЫЙ
БИЛЕТ НА БАЛЕТ

34

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
КРЕДИТНАЯ
ИСТОРИЯ
БАНКОВ
ПЕТЕРБУРГА

42

ЧТО ПОДДЕЛАТЬ?
ОТКРОВЕНИЯ
ВЕЛИКОГО
ФАЛЬСИФИКАТОРА

Е. Волков

Голландец

В. Поленов

И. Левитан

ПИСАЛОСЬ ПРЯМО ВО ВРЕМЯ СУДА, ТАКЖЕ ВО ВРЕМЯ СУДА БЫЛ СДЕЛАН РЯД РИСУНКОВ В СТИЛЕ РАЗНЫХ ХУДОЖНИКОВ, РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ, ЧТОБЫ ДОКАЗАТЬ, ЧТО НИКАКОЙ СПЕКУЛЯЦИИ С ЦЕЛЬЮ НАЖИВЫ НЕ БЫЛО, А ПЕТРИК ПРОСТО МЕНЯЛ СВОЕ ТВОРЧЕСТВО. ВСЕ РАБОТЫ СОХРАНИЛИСЬ. ОДНАКО ЭТОТ УНИКАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ НИКАК НЕ ПОВЛИЯЛ НА РЕШЕНИЕ СУДА.

ТЕКСТ | МИХАИЛ БОЛОТОВСКИЙ

КАК ПЕТРИК БЫЛ ЛЕВИТАНОМ

Представьте себе: тот самый знаменитый Виктор Петрик, которого одни академики считают современным Леонардо, а другие – шарлатаном, гипнотизером и лжеученым, еще и блестяще рисует. А началось все с коллекционирования: еще в студенческие годы Петрик собрал с нуля потрясающую коллекцию картин. Нестеров, Поленов, Айвазовский, малые голландцы...

ЗА ОФОРМЛЕННУЮ В ПЕТРИКОМ АГИТАЦИОННУЮ КОМНАТУ ОН ПОЛУЧИЛ СВИДАНИЕ С ЖЕНОЙ. ВЫПОЛНЕННАЯ ВО ВСЮ ШИРИНУ КОМНАТЫ КАРТИНА «ПЛОЩАДЬ ПОБЕДЫ» ПОРАЗИЛА РУКОВОДСТВО КОЛОНИИ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ СВОЕЙ ПРАВДОПОДОБНОСТЬЮ. ВНИЗУ – ИЗГОТОВЛЕННЫЙ В ПЕТРИКОМ БЮСТ ЛЕНИНА.

НН | *Насколько я понимаю, одним из главных поводов для ареста и суда стало ваше коллекционирование живописи.*

ВИКТОР ПЕТРИК | Нет, конечно. Повод был совершенно иной. Вот посмотрите на «Ютубе» интервью Евгения Мицека, начальника колонии, в которой я был после суда почти целый год. Содержали меня в отдельном от остальной зоны помещении, а кормили обедами из офицерской столовой. Евгений Иванович рассказывает о том, что в течение года в колонию к Петрику трижды приезжали прокурор по надзору за КГБ и другие высокопоставленные начальники... Таким образом, коллекционирование и связанные с ним промыслы послужили всего лишь средством для ареста и суда...

А в то время когда мне было двадцать с небольшим, я был членом городского комитета художников и лучшим в стране фальсификатором живописи. Что касается первого, мне повезло: моим учителем был тогда всемирно известный художник-график Владимир Евтихий. И еще у меня был лучший учитель реставрации, знаменитый скульптор Юрий Линник. А от реставрационных навыков до подделки рукой подать. Реставрируя картину, ты познаешь мастера, его палитру, мазок, приемы. Ну и немного таланта нужно... Конечно, лучший фальсификатор живописи – в этом словосочетании мало чести, равно как и в нынешнем – лжеученым. Какая-то горькая ирония судьбы... Знаете, Михаил: коллекционеры того времени – это была элита! Как правило, у каждого за плечами в прошлом высокий пост, возраст за шестьдесят, проникнуть в этот клан постороннему просто невозможно. Но я был вхож, меня ждали, любили, я был равным и особо желанным гостем в любом из этих домов. И Ю. Руйский, и С. Осипов, и М. Рыбков – все крупнейшие имена, крупнейшие коллекции, все это были мои друзья, они жаждали видеть меня и... безумно боялись, в мои двадцать с лишним лет. Почему?

Да потому, что их коллекции и сам процесс коллекционирования – это была их единственная, всепоглощающая страсть! Вот пример этой силы, этой страсти: ни один из известных мне коллекционеров не оставил свою коллекцию наследникам, всё завещали музеям. Чтобы его любимые картины, его коллекция не были потом распроданы и не достались его соперникам!

И не было в нашей жизни ничего более чудесного, чем обмен картинами, процесс обновления коллекции.

Вот в Японии коллекционер делает так, специфически: он приходит и дарит картину. Вы, таким образом, вскоре несете и тоже дарите картину. У нас происходило иначе. Обмен мог длиться и двое, и трое суток. Вы приходите, ставятся чаи, все это обставляется потрясающим ритуалом доброжелательности, дружбы. И наконец, начинается обмен. Вы говорите: вот у меня Левитан. Он отвечает: это не Левитан. Вы говорите: ну, по меньшей мере очень левитанистая вещь, но все же давай посмотрим. Находите по отношению к ней какие-нибудь указания, доказательства, штрихи из других картин. Наконец, ваш хозяин начинает сомневаться и приходит к выводу, что это действительно Левитан. Обмен свершился. Он сложный, потому что он отдает картину лучше, чем эта, и требует довески, добавки. Вы добавляете, но теперь вы перевесили и требуете от него добавки. И к концу уже идут всякие третьестепенные картинки. Наконец, вы говорите: по рукам? По рукам! Вы говорите: ну как же ты мог поверить, что это Левитан! Ах так!

Ты, такой-сякой, как же я мог лохануться (извините за современный сленг)! Это была борьба знаний, интеллекта, целая жизнь протекала за несколько дней, пока длился обмен. Они знали, что я могу провести собственную подделку, боялись и вместе с тем дрожали от возбуждения и... из чувства корысти тоже. Ведь у меня он возьмет мою подделку в любом случае не так дорого (сам-то я знаю, что это моих рук дело). А он-то уж сможет за нее выменять что-то серьезное, и скорее всего, у него это что-то уже на примете.

НН | *А как вам удалось вобрать в себя такой объем знаний за считанные годы?*

В. П. | Основные навыки, конечно, благодаря реставрации. Но кроме этого, я усердно изучил многие вторичные признаки, которые, как правило, ускользали из области внимания коллекционеров. Например, я изучил все вязки холстов всех времен и народов. Вот Айвазовский: он всегда писал на французском холсте косой вязки. Мелкой, косой вязки. А еще есть гвозди, еще есть подрамник, есть кракелюр. Я уже в это время глубоко занимался химией... Я первый разработал способ, как можно сделать икону 16, 18-го века, и на ней кракелюр – это та самая неизбежная поволока. Берется специальный клей, специальный состав, вы пишете, потом вы ее ломаете, она трещит, появляются кракелюры. Кракелюр может быть чешуйчатым – 16-й век, может быть паутинным – 17-й век.

НН | *Это можно писать?*

В. П. | Смело пишете, я этого не стесняюсь. С Ильей Сергеевичем Глазуновым на спор я написал к выставке Левитана две картины, обе были приняты на выставку и вошли в сборник. Много писал малых голландцев, они сейчас висят в доме. Это была моя страсть, и это опять-таки очень сложная история. Доска должна быть паркетирована. Достать ее невозможно – значит, ее нужно сделать. В ход шли всякие специальные кислотные обработки и запяление, ведь нужно снова дать века этой патины и тронутости дерева. Применялось все: и ТВЧ, и СВЧ, и специальное облучение – и картина получалась.

НН | *Скажите честно: вы эти подделки продавали?*

В. П. | Нет, не продавал – потому что продажа подделки неэтична, недопустима согласно неписаному кодексу коллекционеров. Но менять – менял.

НН | *Это опять-таки для печати?*

В. П. | Стопроцентно! А это право наше, каждого. Я вам расскажу одну грандиозную историю. Был такой собиратель, очень серьезно нашумевший среди нас, блестящая личность. Он переписывался с самим Шагалом. Более того, он пытался привезти выставку Шагала в Москву, и Шагал подготовил картины, но на границе их развернули... Все коллекционеры знали его за персональную связь с Шагалом.

И вот он как-то еще с одним знаменитым коллекционером обратился ко мне с просьбой, чтобы я написал картину Шагала. И я это сделал, получил деньги. Мужчина, две желтые свечи в руке – довольно крупная работа, на паркетированной доске, я ее и обжигал, и салом намазывал, и снова обжигал, получилась потрясающая картина. И вот наш герой показал всем письмо, в котором Шагал пишет: на улице Дзержинского оставлена работа такая-то и такая-то в доме таком-то, вот квартиру не помню, ищите. И всем рассказывал легенду, что он ее ищет. Коллекционеры, конечно, с нетерпением ждали. Потом, когда уже всем стало надоест, он вдруг объявил: нашел! На своей прекрасной даче в Пушкине собрал всех коллекционеров, отдернул занавеску – и там висела эта работа. Она пошла по рукам, каждый рано или поздно понимал, что это подделка, с помощью музеев и так далее, менял другому...

НН | *Забавно!*

В. П. | Последний, кто на ней сел очень серьезно, это господин Квашневский, который был самый крупный коллекционер в нашей стране, самый знаменитый и самый богатый. С ним, кстати, у меня связана забавная история. Однажды Квашневскому кто-то сообщил, что в Ленинграде есть вот такой совсем молодой обладатель потрясающей коллекции. И Квашневский поехал ко мне. К его приезду я на стене повесил с десяток великолепнейших вещей и две вещи, красивые, настоящие, но они никакого отношения к искусству не имеют. И говорю ему: видите, это мой отец собирал, а я тоже коллекционер, вот я эти картины выменял. Он меня и спрашивает: а что же вы за них отдали? Да, говорю, был у меня такой дед, держится за оглоблю, – Репин, в общем. Вот я Репина отдал и вот эти две вещи взял. Квашневский буквально оцепенел. Он понял, что нашел золотое дно. В этот же день мы с ним поменялись, я ему отдал прекрасную вещь, проиграв при этом тысяч двадцать примерно.

НН | *Ничего себе!*

В. П. | Вы помните, что такое было двадцать тысяч по тем временам – две «Волги». Он уехал абсолютно счастливый, я его эти выменянные вещи куда-то выбросил, поскольку они мне просто были не нужны. Потрясенный, он приехал ко мне повторно. Я терпеливо в этот раз пролетел тысяч на пятьдесят... Квашневский понял, что попал на фантастическую жилу. Наконец, в очередной приезд я ему рассказал, что мой отец больше всего просил хранить две вещи. И из-под кровати вытащил старую, огромную шкатулку, величиной с картину, в ней была великолепная, фантастическая подделка Рубенса 18-го века. Писал ее кто-то очень серьезный. Так вот, я достал эту шкатулку и достал Шагала. Про Рубенса сказал, что бабы у него толстые, что мне на них противно смотреть. И сказал, что хочу поменяться на такие картины, которые в книжке есть. Он говорит: как это, в книжке? Ну, говорю, чтобы их фотография в книжке была! Я якобы даже не знал слово «репродукция». Тогда, мол, я поменяюсь, а по-другому не хочу. Он спрашивает, кого же я хочу. Говорю: хочу четыре Айвазовских! Почему именно четыре? Потому что у Линника есть три Айвазовских, а я хочу его переплюнуть, вот так! А кроме того, мне очень хочется иметь Нестерова и Поленова.

И он мне это привез, все вещи подлинные, выставочные, репродуцированные в каталогах. Уехал в Москву, потешился неделю, пригласил директора Пушкинского музея, она говорит: что-то у меня есть сомнения. Пришли другие искусствоведы, тоже засомневались. «Да вы не знаете историю этих картин!» – настаивал Квашневский. В конечном итоге он слег

Испания. XIX в.

в больницу. И вот приехал к нему известный коллекционер и спрашивает, с кем он менялся, у кого взял эти картины. Да, говорит тот, у одного начинающего придурка из Ленинграда! Коллекционер говорит: подожди-подожди, это не Петрик ли случайно? Так ты не хвораи, вставай и радуйся, что легко отделался!

Вся страна потом смеялась.

ИИ | И сколько составила чистая прибыль с этой операции?

В. П. | Послушайте, так говорить нельзя! Я хочу вам сказать: это был добросовестный союз двоих. Ведь он-то ко мне с какой целью приехал? Ведь не постеснялся облапошить неопытного юношу! Это происходило по аналогии современных сделок: вы заключаете контракт, работают ваши юристы, его юристы, чьи переселят, так и будет...

Это мой следователь потом кричал: это мошенничество и всех вас, коллекционеров, нужно посадить, потому что вы друг с другом мошенничаете! А мы не мошенничали, это была борьба интеллектов, это борьба знаний. Мы любили друг друга...

Я вам расскажу... У нас среди коллекционеров была гениальная женщина, Корнеловская Марья Ивановна, к ней даже министр культуры Фурцева приезжала, так как Марья Ивановна требовала, чтобы для ее коллекции был создан отдельный музей. Картины у нее висели внахлест друг на друга. Представляете, от потолка двенадцатиметрового донизу выглядывал только верх картины! Потому что их некуда было деть. И ясно, что Марья Ивановна заслужила их своим собственным интеллектом. Сама она говорила, что защитила двенадцать докторских диссертаций по искусствоведению – и это была чистая правда!

Что такое была Марья Ивановна? Расскажу вам один случай, который я наблюдал собственными глазами. Тогда был магазин антикварный, «Галерея» назывался, на Невском проспекте, на втором этаже, вокруг была галерея, и вешались картины, а вы идете вдоль этих картин.

И вот смотрю: потрясающей работы портрет, но без подписи. И один коллекционер в него вцепился. А пока он держит, другие не имеют права этой картиной распоряжаться. И вдруг все зашептались: Марья Ивановна идет, Марья Ивановна! Все расступились почтительно, коллекционер держит портрет. А у нее один глаз был – такая дородная хохлушка, огромная, с платком накинутым... И вот проходя мимо, она посмотрела одним глазом и говорит: поплявать да выбросить! И пошла дальше. После такого мнения Марьи Ивановны и держать картину неудобно. Человек повесил портрет. Марья Ивановна возвращается с чеком и громко говорит: разбираться надо, Крамской! А это сударыня такая-то нарисована, дочка такого-то помещика!

Вот так... Это потрясающе все было...

ИИ | Что, позвольте узнать, случилось с вашей коллекцией после суда?

В. П. | Все отобрали. После конфискации сто пятьдесят подлинников были распределены в пятнадцати музеях Ленинграда и области.

Висят и поныне, сейчас мог бы судиться, вернуть, но вот беда – дело мое, что о двенадцати томах, оказалось похищенным. Нет моего уголовного дела! А то, что зачитывал по НТВ журналист, якобы находясь в стенах архива и удерживая в руках толстенную папку, – так в это не верьте, это подлог, подделки телевизионщиков...

Вот Поленов, тот самый, которого я у Квашневского выменял, чудом остался. Недавно он был атрибутирован лучшими искусствоведами. И здесь же другой, моя подделка...

Да, это была удивительная жизнь...

ИИ | И в заключение: о чем вы мечтаете, чего бы хотели сейчас, Виктор Иванович?

В. П. | Пытаясь ответить вам искренне, я, как видите, закрыл глаза – и мне сразу вспомнился повисший над временем вопрос золотой рыбки: «Чего тебе надобно, старче?» Считаю, что это была демоническая провокация, к которой не готов никто из живущих...

GALLERIA MURANO ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ПРЕДМЕТОВ ИЗ МУРАНСКОГО СТЕКЛА

Вазы, блюда, статуэтки, различные декоративные формы очаруют вас фантастическими формами и яркими цветами, а также станут незабываемым подарком к Новому году! Сочетание современных тенденций и вековых традиций делает муранское стекло уникальным!

Мы ждем вас по адресу: улица Марата, 49
Тел. 8 (812) 931 67 51 | www.galleriamurano.ru

ОПТИКА ZEISS

ВСЕ ЛУЧШЕЕ
В МИРЕ ОПТИКИ

CÉLINE
MARC JACOBS

Chopard

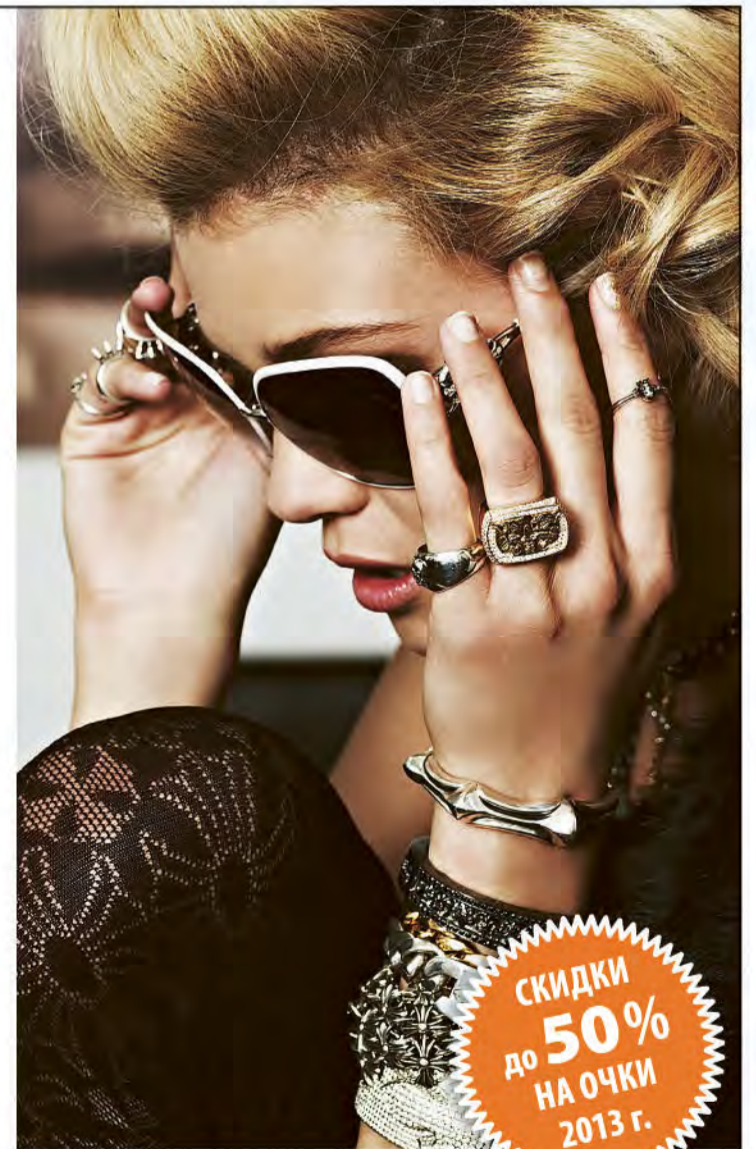
Dior

Cartier

PORSCHE

CHROME HEARTS
eyewear collection

Ray-Ban

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА ЗРЕНИЯ
ПРОГРЕССИВНЫЕ НЕМЕЦКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
СОВРЕМЕННОЕ ОБОРУДОВАНИЕ CARL ZEISS
ЛИНЗЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ДИЗАЙНА

ПР. ПРОСВЕЩЕНИЯ, 34 497-63-01
ВЛАДИМИРСКИЙ ПР., 13 310-56-52
КОМЕНДАНТСКИЙ ПР., 13 432-68-08
СУВОРОВСКИЙ ПР., 8 322-50-40
УЛ. ЖУКОВСКОГО, 6 272-57-66
КОЛОМЯЖСКИЙ ПР., 20 301-03-74

ZEISS
ZEISSPB.RU